

© 2017 г.

М.Л. СВОЙСКИЙ (США)

ВЫВОЗ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ИЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 20–30-е годы XX века. ВЗГЛЯД ИЗ США

Свойский Марк Львович — профессор Университета Св. Иоанна (Нью-Йорк, США).

В 1923 г. народный комиссар просвещения А.В. Луначарский обратился с письмом в Нью-Йоркскую Публичную библиотеку, в котором, в частности, писал: «Я буду доволен, если прибытие ваших полномочных представителей поможет установить постоянные связи с Америкой и даст ей действительное представление о тех усилиях, которые прилагает правительство рабочих и крестьян к развитию страны в области культуры»¹.

В июне 1923 г., в преддверии визита американцев, видная российская специалистка по библиотечному делу Л.Б. Хавкина сообщала директору Нью-Йоркской библиотеки Е. Андерсону: «Я навела некоторые справки и выяснила, что в Петрограде работает множество букинистов. Экспорт новых книг не встречает препятствий, со старыми книгами ситуация сложнее. Можно получить разрешение на их вывоз, если указать, что в дни царизма Нью-Йоркская Публичная библиотека собрала коллекцию сочинений российских революционеров и многие из них были ее читателями»².

Руководящие работники библиотеки Г. Лиденберг и А. Ярмолинский незамедлительно прибыли в Советскую Россию и провели здесь зиму 1923/24 г. Они встречались с руководителями учреждений культуры, писателями, выступали с лекциями, приобрели и отправили в Нью-Йорк более 9 тыс. книг. Посылки с книгами из России направлялись и в другие американские библиотеки.

Так, директор библиотеки Гарвардского университета А. Кулидж в 1921–1922 гг. приобрел для своей библиотеки 3 500 томов, преимущественно по юриспруденции и театроведению. В ноябре 1921 г. он сообщал: «Советское правительство национализировало, т.е. конфисковало, частные собрания, включая фонды книжных магазинов. Что они сделали с этой массой книг, никто не знает, даже они сами. Я предполагаю, что книги просто свалены на каких-то складах»³.

Гуверовский институт войны, революции и мира при Стэнфордском университете в течение пяти лет, с 1920 по 1925 г., приобрел 28 500 томов книг, 127 500 журналов, 20 340 рукописей, 17 200 серийных изданий, 1 млн писем и других документов, что сделало Институт Гувера крупнейшим архивным хранилищем российских документов за пределами России. Об уровне цен сообщалось, что, например, библиотека Гарвардского университета приобрела «Наказ Екатерины II» 1770 г. за 30 долл., письма и указы Петра I 1786 г. издания за 2,5 долл., а «Устав о соли» 1781 г. издания — за 3 долл.⁴

Сам факт массового вывоза культурных ценностей за рубеж оставался в СССР государственной тайной до 90-х годов XX в., когда увидели свет исследования,

¹ Цит. по: Davis R. Slavic and Baltic Library Resources at The New York Public Library. New York, 1994, p. 37.

² Цит. по: Ibid., p. 44.

³ Ibid., p. 45.

⁴ Ibid., p. 46.

посвященные этому эпизоду советско-американских торговых и культурных отношений⁵. Для его характеристики отечественные авторы нередко использовали такие определения, как «безумие», «трагедия и катастрофа», «непродуманная, зачастую неумелая, даже бессмысленная, а потому и плачевная по своим результатам деятельность». Период такой «распродажи» обычно датируется 1928–1934 гг. в связи с тем, что в эти годы была осуществлена самая крупная сделка — продажа картин из коллекции Эрмитажа.

Действительно, в поисках источников твердой валюты, необходимой для осуществления индустриализации страны в рамках первой пятилетки, Советское правительство обратило свое внимание на торговлю антиквариатом. 23 января 1928 г. на заседании Совнаркома было принято Постановление «О мерах к усилению экспорта и реализации за границей предметов старины и искусства». В соответствии с этим постановлением создавался институт особых уполномоченных по организации отбора и вывоза предметов искусства. Продажа антиквариата за рубеж допускалась с согласия Наркомата просвещения, однако разрешения должны были выдаваться Наркоматом торговли.

Представляется, что массовый вывоз антиквариата начался раньше, в начале 1920-х годов, и был санкционирован государственными органами. Недаром Л.Б. Хавкина указывала на возможность получения официального разрешения на экспорт антикварных изданий, несмотря на существование Декрета Совнаркома РСФСР от 19 сентября 1918 г. «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения». Ф. Голдер, приобретавший различные печатные издания и документы для Института Гувера, упоминает, что еще в 1921 г. он получил официальное разрешение на вывоз из России любых изданий непосредственно от М.Н. Покровского, члена правительства, занимавшего пост заместителя наркома просвещения⁶.

В США факт массового вывоза и продажи культурных ценностей из Советской России в 1920–1930-х годах никогда не был секретом. Многие американские исследователи уделяли внимание этой теме советско-американских отношений. Один из наиболее активных предпринимателей, действовавших, в частности, в области культуры, Арманд Хаммер (1898–1990), отвечая на вопросы американских журналистов и американских покупателей, откровенно признал, что всё, что он предлагает к продаже, вывезено из России. Более того, он утверждал, что эти изделия принадлежали царской семье, члены которой были расстреляны. Данные сведения приведены им в выпущенной в 1932 г. книге «Поиск романовских сокровищ»⁷. «Никто не сделал больше для продажи произведений русского искусства за рубеж, чем Арманд Хаммер»⁸, — писала хранительница музея «Хиллвуд» в Вашингтоне А. Одом.

Предисловие к книге составил У. Дюранте, с 1921 г. московский корреспондент «Нью-Йорк таймс», впоследствии лауреат Пулитцеровской премии, известный своими просоветскими взглядами, что, вероятно, и позволило ему занимать эту должность в течение 20 лет.

Выпускник медицинского колледжа, А. Хаммер в 1921 г. отправился в Россию, по его словам, побуждаемый гуманистическими устремлениями. Его отец, Юлиус, российский эмигрант, тоже врач по образованию, стал в Америке одним из основателей социалистической, а в будущем — коммунистической партии. Ко времени отъезда сына в Россию Ю. Хаммер отбывал тюремный срок за проведение нелегальных абортов. По прибытии в Советскую Россию Арманду удалось организовать встречу

⁵ См.: *Мосякин А.Г.* Продажа. — Огонек, 1989, № 6–8, 19; *Ильин Н., Семёнова Н.* Проданные сокровища России. М., 2000; Эрмитаж, который мы потеряли. СПб., 2001.

⁶ *Emmons T., Patenaude B.* War, Revolution and Peace in Russia. The Passages of Frank Golder. Stanford (Ca), 1992, p. 93.

⁷ *Hammer A.* The Quest of the Romanoff Treasure. New York, 1932.

⁸ *Odom A.A.* Taste for Splendor. Alexandria (VA), 1998, p. 47.

с В.И. Лениным, на которого произвела большое впечатление рассказанная американцем история о тюремном заключении Хаммера-отца, по мнению Ленина, осужденного за его прогрессивные убеждения. В дальнейшем на протяжении многих десятилетий А. Хаммер поддерживал отношения с советским руководством, прикладывал усилия к развитию торгово-экономических и культурных связей между США и СССР, встречался со всеми генеральными секретарями ЦК КПСС от Ленина до Горбачева и даже был удостоен ордена «Дружбы Народов».

В 1973 г. увидела свет авторизованная биография «Замечательная жизнь доктора Арманда Хаммера»⁹. Ее автор Б. Консидайн в своей работе опирался на книгу Хаммера «Поиск романовских сокровищ» и на многочисленные беседы с ним, поэтому его сочинение отражает версию, изложенную Хаммером в 1932 г.

В соответствии с ней, однажды в 1920-х годах братья Арманд и Виктор Хаммер обеды в петроградском ресторане. Им принесли еду на тарелках с императорским вензелем, надписью «Н I» и датой «1825 г.» (год вступления на престол Николая I). Братья сообразили, что это дворцовый сервиз, изготовленный для императора Николая I. Они подозвали хозяина и предложили ему продать им весь сервиз, а взамен обещали купить для ресторана новую, красивую посуду. Хозяин согласился. С этой покупки началась история массового приобретения Хаммером произведений прикладного искусства, ювелирных изделий, посуды, икон, конфискованных у частных владельцев и даже членов императорской семьи, в антикварных и комиссионных магазинах.

Хаммер с семьей жил в Москве в огромной квартире, насчитывавшей более 20 комнат. Покупки доставляли сюда, полностью заполняя все новые и новые помещения, и постепенно квартира стала напоминать музей. Автор рассказывает, что в эти же годы Москву посетил один их крупных нью-йоркских антикваров. Он пришел в гости к Хаммеру и был потрясен количеством и художественным уровнем изделий, приобретенных хозяином. Гость пожаловался, что он тоже купил некоторые интересные вещи, но не может получить разрешение на их вывоз. Он предложил Хаммеру партнерство в своей компании, и тот ответил согласием. На следующий же день Хаммер получил необходимое разрешение у советских властей, и вывоз культурных ценностей был поставлен на поток.

Автор сообщает, что предприятия Хаммера в России приносили ему огромные доходы, он приобретал на них любые изделия, которые, как ему казалось, представляли интерес, и отправлял их в США. В результате к 1931 г., когда он покинул СССР, склады в принадлежавшей ему «Галерее Хаммера» в Нью-Йорке были забиты вывезенными из Советской России ценностями.

Продать их в условиях Великой депрессии было далеко не просто. Тогда Хаммер осуществил выдающуюся, по мнению автора, коммерческую операцию. Он разослал в универмаги крупных городов письма с предложением устроить у них распродажу «романовских сокровищ» на выгодных для универмагов условиях. Первым откликнулся универмаг в Сент-Луисе. Благодаря шумной рекламной компании перед открытием этого магазина у входа стояла очередь в 5 тыс. человек. Коммерческий успех предприятия был очевиден, восторгается автор. После Сент-Луиса передвижная выставка-продажа отправилась в Чикаго, Лос-Анджелес, Питтсбург, Детройт, Сан-Франциско, Балтимор, Вашингтон.

Наконец, свои помещения для этой распродажи сроком на три года предоставил известный универмаг «Лорд и Тэйлор» в Нью-Йорке. Автор не сообщает, какое количество товаров требовалось для обеспечения успешного, с финансовой точки зрения, функционирования этого предприятия. Читатели также вправе задаться вопросом о правомерности использования Хаммером, а вслед за ним и автором книги термина «романовские сокровища». На вопросы покупателей о происхождении ювелирных

⁹ *Considine R. The Remarkable Life of Dr. Armand Hammer. New York, 1975.*

изделий, посуды, произведений прикладного искусства Хаммер отвечал утвердительно: да, это все принадлежало российской императорской семье¹⁰.

К 1920-м годам в США наряду с такими крупными коллекционерами, как В. Херст, Э. Меллон, Д. Морган, Д. Рокфеллер, У. Уитни, появилось немало людей, располагавших существенными средствами и интересовавшихся искусством прошлых веков, что обозначало для них принадлежность к более высоким социальным группам. Недостатки собственного образования они стремились компенсировать обращением к услугам консультантов-искусствоведов или тех, кто выдавал себя за таковых. Члены этой социальной группы, даже в условиях тяжелой депрессии располагавшие большими деньгами, стали основными покупателями культурных ценностей, доставленных в США Хаммером.

В 1992 г., уже после смерти Хаммера в 1990 г., в свет вышла книга К. Блумэя, на протяжении многих лет (с 1955 по 1980 г.) служившего у Хаммера помощником по связям с общественностью, которая называлась «Темная сторона силы: настоящий Арманд Хаммер». Она построена на многочисленных обширных и содержательных беседах и с самим Хаммером, и с членами его семьи, в особенности с его братом Виктором (1901–1985)¹¹. В начале книги Блумэй замечает: «Я знал, что в его (Хаммера. — М.С.) жизни была темная сторона, скрытая от внимания публики»¹².

Блумэй, в частности, интересовали история приобретения культурных ценностей в Москве и их дальнейшая распродажа в США. Хаммер рассказывал ему, что его «коллекции заполнили в Нью-Йорке три огромных склада и пришлось уплатить значительный налог, но это было ничто по сравнению со стоимостью содержимого этих ящиков»¹³. Автора занимал вопрос, неужели никто никогда не спрашивал о происхождении тех изделий. Хаммер отвечал: «Я просто говорил правду: нестабильность рубля вынуждала меня вкладывать мои доходы во что-то ценное, в то, что я мог продать по возвращении домой»¹⁴. В целом получалась незаmysловатая история о том, как человек приобретал десятки тысяч изделий в комиссионных и антикварных магазинах.

На аналогичный вопрос Блумэя, заданный Виктору Хаммеру, который в течение многих лет был доверенным помощником Арманда, тот ответил: «Почти всё из бесценных вещей (в их московском доме. — М.С.) принадлежало Советам. Комиссар с группой помощников регулярно проверял, не украли ли мы что-нибудь»¹⁵. Вместе с тем отношения между А. Хаммером и советской стороной были настолько доверительными, что ему передали специальные штампы, с помощью которых можно было нанести фирменный знак мастерской Фаберже на различные изделия. «Даже во время слушаний в комиссии сенатора Маккарти в Конгрессе мы продолжали продавать произведения искусства из СССР в США и переправлять деньги обратно сталинскому правительству. Это просто счастливая случайность, что меня ни разу не поймали», — рассказывал Виктор. Впрочем, в 1948 г. Виктора задержали при попытке вывезти из Москвы в США картины и обвинили в контрабанде. Выручка от их продажи, по его словам, должна была быть переправлена в СССР. Замять эту историю удалось с трудом¹⁶.

Блумэй заявляет, со слов Виктора Хаммера, что Арманд участвовал в финансировании американской коммунистической партии, передавал ей десятки тысяч долларов, и это было условием предоставления ему концессии на разработку асбеста в СССР. Виктор утверждал, что автором идеи о продаже за рубеж произведений искусства был А.И. Микоян. По его словам, в 1928 г. Микоян предложил Хаммеру,

¹⁰ Ibid., p. 78.

¹¹ Blumay C., Edwards H. The Dark Side of Power: The Real Armand Hammer. New York, 1992.

¹² Ibid., p. 11.

¹³ Ibid., p. 102.

¹⁴ Ibid., p. 103.

¹⁵ Ibid., p. 104.

¹⁶ Ibid., p. 107.

с которым был лично знаком, организовать на Западе продажу 40 картин из Эрмитажа и обещал за это 10% комиссионных. Потенциальные покупатели (видимо, речь шла о группе антикваров, организованной одним из ведущих международных бизнесменов в этой области Д. Дювином) предложили за все картины 5 млн долл., что совершенно не соответствовало их действительной стоимости, и сделка сорвалась. «Арманд и я всегда сожалели об упущенной возможности», — заметил Виктор¹⁷.

Особый интерес представляет и книга Е. Эпстайна «Досье: секретная история Арманда Хаммера», опубликованная в 1996 г.¹⁸ Автор использовал в своей работе как многочисленные печатные материалы и интервью с участниками и очевидцами событий, так и результаты архивных изысканий. Прежде всего его внимание привлекла книга самого Хаммера 1932 г. После изучения изложенной в ней «легенды», как ее именует Эпстайн, он пришел к выводу, что описанные в ней события и факты, во всяком случае касающиеся торговли произведениями искусства, «не имеют ничего общего с действительностью»¹⁹. В книге Хаммера, считает Эпстайн, нет убедительного ответа на вопрос, как он сумел приобрести огромное, исчисляемое, по-видимому, десятками тысяч единиц количество произведений искусства и каким образом ему удалось получить разрешение на их вывоз за рубеж.

По мнению Эпстайна, история успешной предпринимательской деятельности Хаммера в Советской России, созданная и постоянно поддерживаемая им самим, не выдерживает критики. Полученная им концессия на добычу асбеста оказалась нерентабельной. Широко разрекламированная компания по поставкам зерна из США в Россию провалилась после получения первой же партии. Банк «Харью» в Таллине, который Хаммер приобрел по настоянию советских партнеров, обанкротился, и владелец потерял вложенные в него средства. Существенную прибыль, правда, приносило карандашное производство, однако выручку в рублях конвертировать в твердую валюту было очень непросто. Таким образом, Хаммеру постоянно приходилось прилагать усилия, чтобы поддерживать созданный им миф о том, как американский бизнесмен заработал миллионы в коммунистической стране, отчаянно нуждавшейся в валюте для осуществления индустриализации.

Предметы искусства, национализированные в годы революции и свезенные на склады, представляли собой доступный и вместе с тем дорогостоящий товар, определенно представлявший интерес для американского покупателя. При этом, замечает Эпстайн, советской стороне следовало учитывать наличие эмбарго на торговлю с Советской Россией, возможность судебных исков со стороны бывших владельцев — эмигрантов, нашедших убежище в США, таможенные и налоговые препятствия. В глазах советского руководства для преодоления всех этих барьеров кандидатура Хаммера выглядела подходящей — американский миллионер с просоветскими, прокоммунистическими взглядами, вполне лояльный к Советской власти, одновременно обладающий обширными деловыми связями в США и коммерческим опытом.

И в 1929 г., сообщает автор, А.И. Микоян обратился к Хаммеру с предложением организовать массовый вывоз произведений искусства из СССР. Использование Хаммера в качестве посредника между советскими властями и американскими покупателями позволяло обойти, в частности, существенную проблему владельческой принадлежности. Эпстайн описывает следующую схему. Предназначенные для вывоза товары Хаммер переправлял в США под видом своей собственности, приобретенной в магазинах частным образом. В результате груз беспрепятственно проходил через американскую таможню, а затем Хаммер организовывал его распродажу. Вырученные средства, за вычетом своих комиссионных, он переводил на счета Внешнеторгового объединения «Амторг». Чтобы легализовать перевод денег, между Хаммером и «Амторгом» был заключен контракт на поставку из СССР досок для изготовления

¹⁷ Ibid., p. 105.

¹⁸ Epstein E. Dossier: The Secret History of Armand Hammer. New York, 1996.

¹⁹ Ibid., p. 122.

бочек для виски по чрезвычайно заниженным ценам. Обладавший хорошим коммерческим чутьем, Хаммер предвидел скорый конец «сухого» закона и последующий рост производства виски.

Для того чтобы эта схема успешно работала, подчеркивает автор, «действительные отношения Хаммера с Советским правительством должны были оставаться секретными»²⁰. По мнению Эпстайна, продажа культурных ценностей не принесла Хаммеру особого богатства, хотя он и сделался человеком далеко не бедным. Основную часть вырученных денег приходилось перечислять советской стороне. Эпстайн приводит сведения о том, что, например, в 1936 г. на банковском счету «Галереи Хаммера» было меньше 2 тыс. долл. Его компания по продаже досок для производства бочек балансировала на грани банкротства, и он постоянно нуждался в деньгах для выплат «Амторгу». Транспортные и таможенные расходы были очень значительными.

«Когда в 1931 г. произведения искусства из СССР начали прибывать в Нью-Йорк, бизнес Хаммера в этой области оказался в тяжелом положении», — констатирует автор²¹. В стране, переживавшей депрессию, потенциальные покупатели были экономны в расходах, а российские эмигранты обращались в суды, требуя запретить продажу культурных ценностей, принадлежавших царской семье. Утверждение Хаммера, что он приобрел все свое собрание у частных лиц и ввез его в США легально, убеждало суды, но судебные издержки были весьма велики.

Эпстайн прослеживает историю «бродячего цирка», как, по его словам, сам Хаммер называл свои выставки-продажи в универмагах. Параллельно с продажей культурных ценностей покупателям предлагали и книгу Хаммера. «Никто не интересовался ее правдивостью», — замечает Эпстайн²². Покупатели воспринимали ее как верное изложение истории выдающегося американского бизнесмена и предпочитали не обращать внимания на то обстоятельство, что на многих картинах и изделиях прикладного искусства были не только владельческие надписи и этикетки, подтверждавшие их принадлежность частным владельцам, включая членов императорской семьи, но и такие, которые указывали на советские государственные хранилища и музеи. Вместе с тем, по мнению автора, в огромном потоке изделий, предлагавшихся к продаже, лишь сравнительно небольшая часть имела высокую художественную ценность, представляла исторический интерес или действительно принадлежала императорской семье. Автор утверждает, что в основном здесь были изделия, предназначенные для массового покупателя, хотя для того, чтобы установить деловые связи с крупными антикварами и коллекционерами и извлечь существенную прибыль, Хаммер получил возможность вывезти некоторое количество изделий, созданных в мастерской Фаберже, в частности ставшие знаменитыми пасхальные яйца²³.

Постоянные и энергичные связи Хаммера с советской стороной в торгово-экономической и культурной областях не остались незамеченными: на протяжении многих лет за его деятельностью наблюдало ФБР. Эпстайн задается вопросом: использовал ли Хаммер свою предпринимательскую деятельность в США в интересах Советского правительства или же связи в СССР были нужны ему для создания успешного бизнеса? Так или иначе участие в массовой распродаже российских культурных ценностей в США, организованной Хаммером, в дальнейшем, несомненно, способствовало его предпринимательской карьере.

Еще одним из покупателей произведений искусства в Советской России был Эндрю Меллон (1855–1937), multimиллионер, крупный американский банкир, занимавший должность министра (секретаря) финансов США при трех президентах: У. Хардинге, К. Кулидже и Г. Гувере. Он придерживался антисоветских взглядов, сопротивлялся развитию экономических связей с Советской Россией и был против

²⁰ Ibid., p. 139.

²¹ Ibidem.

²² Ibid., p. 137.

²³ Ibid., p. 138.

признания СССР, происшедшего в 1933 г. Коллекционированием произведений изобразительного искусства он занимался в течение многих лет, опираясь на сотрудничество с крупнейшими антикварами. Один из них, Д. Дювин, в конце 1920-х годов попробовал установить контакты с Советским правительством в целях приобретения картин из Эрмитажа. Стороны не сошлись в цене — Дювин предлагал явно заниженные цены. Кроме того, его интересовали только картины первого ряда. Как он утверждал, «в Америке они хотят только самое лучшее, шедевры»²⁴, в то время как советская сторона еще не была готова расстаться с ними. Сделка не состоялась.

Автор внушительного тома в 639 страниц, повествующего об истории семьи Меллонов, В. Херш, уделяет внимание и коллекционерской деятельности Э. Меллона, в ходе которой тот проявлял осторожность, твердость в решении финансовых вопросов, последовательность в своих предпочтениях. Херш рассказывает и о событиях, связанных с приобретением Меллоном картин из собрания Эрмитажа²⁵.

В марте 1929 г. Меллон поручил нью-йоркской антикварной компании Кнедлера, которая сотрудничала с ним на протяжении многих лет, выяснить, насколько реальны слухи о том, что Советский Союз продает картины из Эрмитажа. Он предложил Кнедлеру организовать сделку и пообещал 25% комиссионных. Представитель компании отправился в Россию и начал переговоры. Они проходили с большим трудом, ибо советские представители, не обладавшие необходимым опытом и знаниями, боялись продешевить, а американец полагал их претензии чрезмерными, особенно в условиях начавшейся депрессии. Наконец, договоренность была достигнута, и первые три картины в апреле 1929 г. прибыли в Нью-Йорк²⁶. За ними последовали остальные.

Автор останавливается на истории создания Национальной галереи искусств в Вашингтоне. 22 декабря 1936 г. Меллон направил президенту Ф. Рузвельту письмо с предложением о создании галереи. Основой собрания должна была стать собственная коллекция Меллона, включая полотна из Эрмитажа. Кроме того, он предложил профинансировать строительство здания галереи. Меллон писал: «В течение многих лет я покупал картины и скульптуры с тем, чтобы в свое время они стали доступны для публики»²⁷. Рузвельт ответил, что он «восхищен совершенно замечательным предложением, которое Меллон сделал народу США»²⁸.

В 1937 г. Конгресс США одобрил решение о создании галереи, и в 1941 г. она была открыта. По мысли Меллона, именно картины из Эрмитажа должны были определить исключительно высокий уровень собрания. Например, из приобретенной самим Меллоном крупной коллекции американских портретов в количестве 369 единиц у частного собирателя Т. Кларка только 115 были признаны соответствующими уровню Национальной галереи²⁹.

Херш рассматривает историю приобретения Меллоном картин из Эрмитажа как обычный факт купли-продажи. Вместе с тем он полагает, что сам Меллон осознавал все историко-культурное содержание этой сделки, ее исключительность и неповторимость, непреходящее значение для культурной жизни США. Меллон понимал: то, что продает советская сторона, бесценно, и такая возможность не повторится никогда. Однако он продолжал руководствоваться своими вкусовыми пристрастиями и вовсе не готов был переплачивать, если находил запрошенные цены чересчур высокими. Так, в 1931 г. он отказался от приобретения двух картин Рембрандта и одной работы Джорджоне за 2 млн долл. «В наши дни, — замечает Херш, — эти три картины, выставленные в экспозиции Эрмитажа, служат для российских посетителей горьким

²⁴ *Behrman S. Duveen. Nork York, 1951, p. 63.*

²⁵ *Hersh B. The Mellon Family: A Fortune in History. New York, 1978.*

²⁶ *Ibid., p. 283.*

²⁷ *Ibid., p. 348.*

²⁸ *Ibidem.*

²⁹ *Ibidem.*

напоминанием о тех временах, когда культуру продавали за наличные»³⁰. Меллон недолго любил работы «ню» и колебался, следует выставлять картину Тициана «Венера перед зеркалом» или нет. Сегодня она занимает достойное место в Национальной галерее США.

Биография Меллона представлена и еще одной книгой. Ее автор, Д. Каннадин, посвящает истории приобретения картин в Эрмитаже специальную главу «Продажа века»³¹. Прежде всего он объясняет американскому читателю, что представляло собой Внешнеторговое объединение «Антиквариат», через которое осуществлялись продажи. Он подчеркивает, что при решении вопроса о продаже культурных ценностей брались в расчет два условия. Во-первых, к продаже предлагались только первоклассные и, соответственно, дорогостоящие произведения. Во-вторых, эти продажи осуществлялись в обстановке полной секретности, ибо советское руководство предпочитало не сообщать общественности о том, что «выдающиеся национальные сокровища продаются врагам революции из капиталистического лагеря»³². Меллон тоже был заинтересован в том, чтобы сохранить эту сделку в тайне. Он располагал огромными средствами, однако в разгар депрессии, когда в стране царили безработица, банкротство и нищета, приобретение картин за колоссальную сумму могло вызвать нежелательную реакцию общества.

Для того чтобы этого избежать, предпринимались меры по дезинформации публики. Так, газета «Нью-Йорк таймс» 10 мая 1931 г. сообщала своим читателям: «Известие о том, что секретарь (министр. — М.С.) Меллон приобрел картину Ван Дейка «Портрет Филиппа, лорда Уортена», было категорически опровергнуто сегодня. Министр Меллон не покупал для своего собрания картин из русских коллекций». Но слухи о приобретении министра продолжали распространяться, и 18 августа 1934 г. той же газете пришлось опровергать новость о том, что Меллон купил картину Рафаэля «Мадонна Альба» за 1 166 400 долл. Назвав это «чистой воды фантазией», газета с нападением писала: «Сейчас не то время, когда американский гражданин будет приобретать самую дорогую в мире картину, так же как Советское правительство не будет продавать самую ценную картину из своего национального достояния. Продажа реликвий правительством или частным лицом свидетельствует о трудном положении продавца, а это не то впечатление, которое Советское правительство желало бы произвести за рубежом».

Кроме нескольких сотрудников Кнедлера, никто, в том числе и российская сторона, не знал, кто стоит за его антикварной компанией. В связи с этим Каннадин цитирует одно из писем Меллона сыну. «Я сделал действительно крупные вложения, — пишет он. — Однако я ограничился только экземплярами исключительного качества. Вся сделка осуществляется конфиденциально, и это очень важно»³³. В другом письме Меллон подчеркивает: «Я купил эти “русские” картины. Я еще не переправил их в Вашингтон, так как в настоящий момент не хочу, чтобы стало известно, что они у меня»³⁴.

Меллон полагал, что цены, по которым осуществлялась покупка, были сравнительно невысоки³⁵. Каннадин указывает, что примерно через 20 лет после ее совершения одна картина Леонардо да Винчи была приобретена по цене около 10 млн долл., а одно произведение Веласкеса стоило больше, чем все полотна из Эрмитажа, вместе взятые.

Крупнейший международный антиквар Д. Дювин поздравил Меллона с приобретением, заметив, что для кого-нибудь другого — не для него — известие об этой сделке

³⁰ Ibid., p. 340.

³¹ Cannadine D. Mellon. New York, 2000.

³² Ibid., p. 417.

³³ Ibid., p. 425.

³⁴ Ibid., p. 424.

³⁵ Ibid., p. 425.

было бы «смертельным ударом»: «Это замечательные картины, но позвольте напомнить Вам, что Вы купили их по ценам Дювина». Он славился умением сбивать цены на произведения искусства³⁶.

Деньги переводились в Берлин на счет агента компании Кнедлера, который перечислял 10% от суммы советской стороне в качестве депозита. Сотрудники Эрмитажа получали соответствующие указания из Москвы, снимали отобранные картины со стен и отправляли их в столицу. Соседние с проданными полотнами сдвигали, чтобы не было видно пустых мест. Из Москвы картины поездом отправляли в Берлин, где происходил окончательный расчет, а оттуда — пароходом в Нью-Йорк. В мастерских их чистили, реставрировали и доставляли в Вашингтон Меллону³⁷.

Вся сделка была осуществлена в несколько этапов. Для переговоров с компанией Кнедлера в Нью-Йорк отправились представители Наркомата внешней торговли Н. Ильин и Б. Краевский. На пароходе, отмечает Каннадин, они занимали каюту самого дешевого, четвертого класса, а на Манхэттене поселились в самом захудалом отеле. Переговоры прошли удачно, американцы согласились приобрести еще несколько полотен из Эрмитажа. Российские эмиссары были так довольны результатами своей миссии, саркастически пишет автор, что, «оставив в стороне идеологические разногласия с покупателями», переселились в дорогой отель «Билтмор» и вернулись домой в каютах первого класса, на роскошном лайнере «Бремен». Перед отъездом в беседе с сотрудником компании Кнедлера они объяснили наивному американцу, что не беспокоятся о судьбе картин, ибо, по их мнению, в течение 10 лет в Америке произойдет пролетарская революция, капиталистическая система рухнет и картины вернутся в Эрмитаж³⁸.

Тайные встречи, трансатлантические телефонные переговоры, шифрованные телеграммы — с помощью всех этих методов представители двух государств, принципиально отличавшихся и политически, и экономически, и идеологически, в конце концов смогли прийти к соглашению. По мнению Каннадина, это удалось осуществить в результате удачного совпадения интересов, спроса и предложения: Советское правительство стремилось продать, богатый американец готов был купить. «Величайший триумф Меллона в качестве собирателя означал величайшее событие XX в. на рынке произведений искусства — приобретение бриллиантов из короны одной замечательной галереи, чтобы сделать их ядром, фундаментом другой», — к такому выводу приходит Каннадин³⁹. Поместив свою коллекцию в Национальную галерею искусств, Меллон передал ей не только произведения огромной ценности, но и возможность восхищения красотой, которую испытывают посетители. «Каждый человек, — утверждал Меллон, — стремится соединить свою жизнь с чем-то, что он считает вечным»⁴⁰. Меллон осуществил важный вклад, который трудно переоценить, в культурно-историческую и художественно-эстетическую сокровищницу своей страны.

Тема вывоза культурных ценностей из Советской России и роль Меллона в связанных с этим сделках получили освещение и в книге П. Коппера «Национальная галерея искусств». Вслед за другими авторами он пишет, что «Москва нуждалась в твердой валюте для приобретения материалов и машин для модернизации советской промышленности и сельского хозяйства, необходимой для достижения марксистской мечты»⁴¹. Продажа полотен из Эрмитажа, считает Коппер, была беспроигрышной для обеих сторон. Советская сторона получала валюту и согласие на осуществление всей сделки в тайне, ибо покупатель тоже был заинтересован в конфиденциальности. В случае разглашения ее деталей у антикварной компании Кнедлера сразу же появились бы

³⁶ *Behrman S.* Op. cit., p. 153.

³⁷ *Cannadine D.* Op. cit., p. 416.

³⁸ *Ibid.*, p. 424.

³⁹ *Ibid.*, p. 425.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 567.

⁴¹ *Kopper P.* America's National Gallery of Art. A Gift to the Nation. New York, 1991, p. 86.

конкуренты, в первую очередь Дювин — опытный, влиятельный и располагавший необходимыми ресурсами. Меллон получал коллекцию картин, о которой при других обстоятельствах не мог бы и мечтать. Цены, по мнению автора, в действительности были не низкими, но, как сказал один мудрец от искусства, которого цитирует Коппер, «когда вы платите дорого за бесценную вещь, вы покупаете задешево»⁴².

Меллон не видел полотен, которые приобретал, они были известны ему лишь по каталогам, альбомам, фотографиям. Поэтому, судя по его переписке, он готов был перепродать кое-какие из них в случае, если они ему не понравятся, с помощью все той же компании Кнедлера. По-видимому, его сомнения относительно «Венеры с зеркалом» Тициана и определили ту цену, которая была согласована с советской стороной, но отнюдь не являлась максимально возможной на мировом рынке произведений искусств даже в условиях депрессии.

Внимание целого ряда американских исследователей традиционно привлекают жизнь и деятельность Екатерины II, основательницы Эрмитажа⁴³, и на страницах их работ также нашла отражение распродажа культурных ценностей из его собраний. С. Жак, например, утверждает, что в течение пяти лет, с 1928 по 1933 г., фонды музея потеряли более 24 тыс. единиц хранения. При этом Меллон воспользовался одной из уникальнейших возможностей в истории собирательства. «Вместе с тем, — пишет исследовательница, — несмотря на все травмы XX столетия, многие из экстраординарных достижений Екатерины II сохранились и, в первую очередь, это Эрмитаж и его шедевры»⁴⁴.

С ней согласен П. Кабанни. В книге «Великие коллекционеры» он повествует о роли Екатерины II в создании Эрмитажа и, высоко оценивая ее усилия, рассказывает о деятельности Дидро, помогавшего русской императрице разыскивать и приобретать ценные произведения искусства во Франции⁴⁵. Находясь в Петербурге, Дидро имел возможность проводить время в философских беседах и светских развлечениях, посещать театр, участвовать в дворцовых приемах и «восхищаться шедеврами искусства при том, что он сам способствовал беззастенчивому разграблению художественного достояния своей страны»⁴⁶.

Вывоз культурных ценностей из СССР продолжался и после принятого Политбюро решения от 15 ноября 1933 г. о прекращении экспорта картин из Эрмитажа и других музеев. Например, диптих Ван Эйка «Распятие» и «Страшный суд» оказался в нью-йоркском музее Метрополитен. Больше работ этого художника в Эрмитаже не осталось. Картину Тьеполо «Пир Клеопатры» приобрела Национальная галерея в Мельбурне. Полотно Пуссена «Триумф Амфитриты» хранится в Художественном музее Филадельфии, демонстрируя посетителям эрмитажный инвентарный номер в углу.

Интерес американских историков в этой связи привлекает собирательская деятельность Марджори Пост-Дэвис и ее супруга Джозефа Дэвиса, американского посла в СССР в 1936–1938 гг. Марджори Пост (1887–1973), наследница продуктовой империи, была одной из богатейших женщин Америки. В 1935 г. она вышла замуж за видного юриста Дэвиса, поддерживавшего добрые отношения с президентом Рузвельтом, которому супруги оказали крупную финансовую поддержку во время его второй избирательной кампании. «Марджори хотелось быть женой посла», — как-то доверительно заметил Рузвельт, и Дэвис получил назначение в Москву⁴⁷. Президента не остановило даже полное отсутствие у Дэвиса дипломатического опыта и знаний.

⁴² Ibid., p. 88.

⁴³ См., например: *Alexander J. Catherine the Great*. New York, 1989; *Erickson C. Great Catherine*. New York, 1994; *Dixon S. Catherine the Great*. New York, 2001.

⁴⁴ *Jaques S. The Empress of Art*. New York, 2016, p. 399, 405.

⁴⁵ *Cabanne P. The Great Collectors*. New York, 1963.

⁴⁶ Ibid., p. 20.

⁴⁷ *Снивак Л. Одиночество дипломата*. Нижний Новгород, 2011, с. 91.

Дж. Дэвис сменил на этом посту У. Буллита, опытного и тонкого дипломата, который за три года пребывания в Москве проделал эволюцию от искренней симпатии к «социалистическому эксперименту» до мнения о Сталине как о «кавказском бандите». Так он назвал его в своем письме президенту⁴⁸. Новый посол вовсе не собирался ссориться с советским руководством. Напротив, он демонстрировал расположение к сталинскому режиму. Посетив политические процессы 1937–1938 гг., он как юрист заявил об их высоком юридическом уровне и одобрил деятельность Вышинского. Одобрение советской действительности он выразил в письмах к Рузвельту и в своей книге «Миссия в Москву» (1941 г.). Позднее в Голливуде по этой книге сняли фильм, заслуживший похвалу Сталина. Это был первый американский фильм, который шел в СССР в широком прокате. Старания Дэвиса были вознаграждены по заслугам — ему вручили орден Ленина.

В это время его супруга Марджори с увлечением организовывала светскую жизнь посольства, устраивала приемы, посещала театры и музеи, совершала поездки по стране. Женщина отлично образованная, с развитым художественным вкусом, она на протяжении многих лет собирала произведения французского изобразительного и прикладного искусства. В СССР перед ней открылись новые, ранее малоизвестные ей грани мировой художественной сокровищницы, и она сумела по достоинству их оценить. Марджори начала приобретать художественные изделия, созданные в России. При выборе икон посол и его супруга пользовались консультациями специалистов из Третьяковской галереи, а также опытных антикваров, получивших образование еще в дореволюционной России, а в 1930-х годах трудившихся в комиссионных и антикварных магазинах.

Благодаря тем доверительным отношениям, которые у ее мужа сложились с советским руководством, его откровенно просоветской позиции, перед Марджори были открыты все двери, в том числе двери государственных хранилищ. Незадолго до отъезда из СССР она посетила музей в Кусково под Москвой в компании с супругой Молотова, с которой ее связывали дружеские отношения. Там жена Молотова подарила ей на память две вазы из музейного собрания. Вернувшись в Нью-Йорк, Марджори в знак благодарности отправила в Кусково несколько ценных экспонатов, изготовленных в США⁴⁹.

Не остался в стороне от собирательства и сам посол. Он приобрел 89 картин русских художников, правда, далеко не первого ряда, 23 иконы и отправил их в качестве дара в музей университета в Висконсине, который сам закончил⁵⁰.

Сделанные Дэвисами покупки переправлялись в Ленинград и хранились на борту принадлежавшей Марджори Пост яхты «Морское облако», в те годы самой большой в мире. Правда, швартовалась яхта не на Неве, прямо около Зимнего дворца, чего добивалась Марджори, а в торговом порту.

Рассказ о приобретательской деятельности Пост в России продолжается в книге В. Райта «Наследница»⁵¹. Там говорится, что эта огромная, четырехмачтовая яхта была полностью загружена фарфором, самыми разнообразными ювелирными изделиями, картинами, драгоценной церковной утварью⁵². Эти изделия продавались на вес, пять центов за грамм, независимо от их художественной ценности. Но низкие цены не являлись единственным источником энтузиазма Марджори Пост. Как пишет автор, она не только располагала необходимыми средствами и свободным временем для походов по магазинам и хранилищам, но и была по-настоящему увлечена русским искусством.

⁴⁸ Там же, с. 190.

⁴⁹ *Odom A.A.* Op. cit., p. 47.

⁵⁰ *The Joseph E. Davies Collection of Russian Paintings and Icons.* New York, 1938.

⁵¹ *Wright W.* Heiress: The Rich Life of Marjorie Merriweather Post. Washington, 1978. См. также: *Rubin N.* American Empress. The Life and Times of Marjorie Merriweather Post. Lincoln (NE), 1955.

⁵² *Wright W.* Op. cit., p. 164–166, 193.

После отъезда из СССР у супруги Дэвиса интерес к русскому искусству сохранился, и она продолжала покупать интересовавшие ее изделия в магазинах и на аукционах в других странах. В 1957 г. она создала в пригороде Вашингтона музей «Хиллвуд», экспонаты которого занимают почти 40 залов. До сих пор он остается самым крупным музеем русского прикладного искусства за пределами России. Здесь представлены царские украшения, фарфор, портреты, иконы и самые разнообразные, в том числе золотые и серебряные, изделия, среди которых значительное место занимают выполненные в мастерской Фаберже. Многие из них принадлежали членам российской императорской семьи. Второй раздел музея посвящен французскому искусству.

В книге «Вкус роскоши»⁵³ хранители музея «Хиллвуд» А. Одом и Л. Арэнд подробно рассказывают о его собрании. Войны и революции, пишет Одом, посвятившая свой рассказ именно российскому разделу экспозиции, неблагоприятны для произведений искусства, революционеры меньше всего беспокоятся об их судьбе. Она напоминает о массовом вывозе культурных ценностей из Франции после Революции 1789 г. и разграблении Италии во время наполеоновских войн. «Российский опыт существенно отличается от предыдущих революций, — утверждает она, — в связи с тем, что вывоз картин и других ценностей, конфискованных у императорской семьи, аристократии, церкви, а также из музейных собраний, стал официальной государственной политикой и привел к насильственному разрушению» этих музеев⁵⁴. Она отмечает, что еще до революции торговые, культурные, династические связи России с Западной Европой были насыщенными и разнообразными, поэтому многие ценные произведения искусства, нередко связанные с историей российской царской семьи, позднее приобретенные Марджори Пост, оказались на Западе задолго до 1917 г. Однако «продажи 1920-х и 1930-х годов были беспрецедентными и разорили российские дворцы еще до германского нашествия 1941 г.»⁵⁵

Одом констатирует наличие идеологических разногласий между различными группами «большевистских антикваров». Одни считали продажу необходимой, причем на любых условиях, особенно когда дело касалось ценных ювелирных изделий, представлявших, по их мнению, самую бессмысленную часть буржуазной роскоши. Другие были готовы обменять антиквариат на трактора. Третьи считали, что продавать национальное художественное достояние нельзя. Однако если находилась покупатель, готовый дать соответствующую цену, бесценные изделия покидали СССР⁵⁶.

Книга снабжена биографическим очерком, посвященным М. Пост. Отдельно выделена глава о ее пребывании в СССР. Одон тоже отмечает, что в 1938 г., когда семья Дэвисов покидала СССР, Советское правительство подтвердило запрет на вывоз произведений искусства из страны. Но на багаж американского посла этот запрет, естественно, не распространялся. Автор рассказывает о приобретениях Марджори в СССР и приводит подробное, высококвалифицированное описание экспонатов, снабженное цветными фотографиями. Одон цитирует письмо Екатерины II барону Гримму от 16 апреля 1779 г., в котором императрица сообщает ему о приобретении коллекции картин, принадлежавшей Уолполу, и приводит слова Екатерины о том, что она «наложила руки на них и никогда не отпустит так же, как кот никогда не отпустит пойманную мышь»⁵⁷.

Исследование Одон завершается своего рода обращением к россиянам, «которые сожалеют о том, что произошло в первой половине XX в.» Они «могут быть уверены, — пишет она, — что экспонаты в “Хиллвуде” находятся среди тех, которые уцелели (в ходе Французской революции. — М.С.). В соответствии с пожеланиями Пост

⁵³ См. *Odom A.A.* Op. cit.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 40.

⁵⁵ *Ibidem.*

⁵⁶ *Ibid.*, p. 41.

⁵⁷ Сборник Императорского Российского Исторического Общества, т. 23, № 75. СПб., 1878, с. 135. Екатерина II — барону Гримму, 16 апреля 1779 г.

экспонаты выставлены для всеобщего обозрения, доставляют удовольствие посетителям, и мы счастливы, что в столице нашей страны существует музей, где американцы могут познакомиться с культурой императорской России, красотой русского искусства и достижениями русского прикладного искусства на протяжении веков. Поэтому эти экспонаты не вполне потеряны для России»⁵⁸.

Значительным шагом в изучении истории вывоза культурных ценностей из СССР в США в 1930-х годах стало появление книги Р. Вильямса «Русское искусство и американские деньги»⁵⁹. В работе над ней автор использовал обширную фактографическую, в частности, архивную базу. Свой рассказ Вильямс начинает с истории создания Эрмитажа и формирования его коллекций. Глава, посвященная приобретению Меллоном картин из Эрмитажа, носит красноречивый заголовок «Картины маслом по демпинговым ценам».

Первые приобретения картин из коллекций Эрмитажа были осуществлены в 1930 г. Г. Гюльбенкяном, нефтяным магнатом, проживавшим в Париже. Однако он прекратил торговые отношения с советской стороной из соображений не столько финансовых (посчитав цены завышенными, а советских продавцов — непрофессионалами), сколько историко-культурных. Его биограф Ж. Пердижо приводит в своей книге письмо, отправленное Гюльбенкяном советским представителям: «Вы знаете, что я всегда считал, что экспонаты, которые были в ваших музеях в течение многих лет, не должны быть проданы. Не только потому, что они представляют собой национальное достояние, но и потому, что являются важным элементом культуры и причиной гордости для нации. Если продажи будут осуществлены и об этом станет известно, престиж вашего правительства пострадает. Сложится впечатление, что Россия в плохом положении, раз вы вынуждены освобождаться от экспонатов, которые в действительности не принесут значительного количества денег, чтобы помочь финансовой системе страны. Продавайте, что хотите, только не музейные экспонаты»⁶⁰.

Вильямс отмечает, что это обращение не произвело впечатления на продавцов, но открыло дорогу Меллону. Он подробно анализирует историю сделки и приходит к выводу, что американский миллионер оказался в центре конфликта интересов. Как частный коллекционер он был заинтересован в возможно более низких ценах на приобретаемые им полотна. В то же время как министр финансов он подвергался мощному давлению со стороны американских деловых кругов, протестовавших против откровенно демпинговых цен, по которым Советское правительство осуществляло поставки различных товаров, главным образом сырья. На некоторые из них уже было наложено эмбарго, а в июне 1930 г. Конгресс принял жесткий протекционистский закон о тарифах.

Поэтому на первый план в ходе переговоров о приобретении картин вышла антикварная компания Кнедлера, а Меллон остался за кулисами, впрочем, продолжая самым внимательным образом контролировать все этапы переговорного процесса. В результате ему удалось благополучно осуществить «величайшее единичное приобретение в истории искусства»⁶¹.

Вильямс полагает, что массовая продажа произведений искусства в 1930-х годах обнаружила «трагический кризис, в котором пребывала сталинская Россия». «Великий перелом», в ходе которого миллионы крестьян оказались в колхозах, на заводах, фабриках и в ГУЛАГе, вероятно, был благоприятен для развития промышленности, но не для рынка произведений искусства. Тайные приобретения Меллона, по мнению автора, следует рассматривать в контексте массовых продаж, лавины культурных ценностей, переправленных из России на Запад, в частности в США, по решению советского руководства. Художественная ценность большинства этих изделий не шла

⁵⁸ Odom A.A. Op. cit., p. 67.

⁵⁹ Williams R. Russian Art and American Money. Boston, 1980.

⁶⁰ Perdigao J. Calouste Gulbenkian. Collector. Lisbon, 1975, p. 121.

⁶¹ Williams R. Russian Art and American Money, p. 176.

ни в какое сравнение с картинами из Эрмитажа, однако движущий мотив всех связанных с ними финансовых сделок, транспортных операций и секретных переговоров был один и тот же — получение валюты в обмен на потерю части национального культурного достояния.

Осуществляя продажу произведений изобразительного искусства, советская сторона не затрудняла себя снабжением их соответствующей документацией, в том числе владельческой историей. В результате американские покупатели сталкивались с риском судебного преследования со стороны российских иммигрантов, бывших владельцев полотен, и членов их семей.

«На самом деле нет более замечательной истории об отношениях между российским искусством и американскими деньгами, чем история Арманда Хаммера, человека, который успешно договорился со Сталиным о продаже своей карандашной фабрики в обмен на изделия фирмы Фаберже и семейные реликвии последних Романовых, а затем продал их богатым американцам. Хаммер был алхимиком, превратившим осколки революции в сверкающее золото»⁶², — пишет Вильямс в главе о деятельности Арманда Хаммера.

Хаммер, сообщает он, начал вывоз культурных ценностей, предпринятый Советским правительством, на комиссионных началах в 1928—1929 гг. и только зимой 1932/33 г., когда на его складах в Нью-Йорке скопилось достаточное количество произведений, главным образом прикладного искусства, приступил к кампании по их продаже в США. Автор согласен с А. Саттоном, который полагает, что «долги Хаммера, внутренние и внешние, заплатило Советское правительство и что Хаммеру было разрешено вывезти свою прибыль. Вскоре после того как братья Хаммеры покинули Советский Союз, они открыли “Галерею Хаммера” в Нью-Йорке, ставшую центром по продаже конфискованных культурных ценностей российских царей»⁶³.

Вильямс пишет, что Хаммер арендовал для своей компании в Москве, на Кузнецком мосту, четырехэтажный дом, который до революции занимали мастерские и выставочный зал фирмы Фаберже. В связи с этим он задает два «интригующих» вопроса: что случилось с обширными коллекциями Фаберже, хранившимися в этом здании, после революции и каким образом в руках Хаммера оказалось внушительное собрание изделий фирмы Фаберже, которые он начал продавать в США в 1932 г.?

Коммерческая деятельность Хаммера, по мнению автора, в связи с ее очень значительными масштабами представляется явлением уникальным. Вместе с тем предлагаемые им к продаже «романовские сокровища» нередко оказывались ширпотребом, конфискованным советскими властями в гостиницах, церквях, частных домах. Только очень небольшая часть из них имела действительную историко-культурную, художественную ценность.

Деятельность Хаммера, считает Вильямс, фактически пропагандировавшая российскую культуру и искусство, вносила вклад в процесс подготовки признания СССР Соединенными Штатами в 1933 г. Автор отмечает, что существует гораздо больше свидетельств о деятельности Хаммера в качестве торгового агента Советского правительства, чем о его индивидуальной собирательской деятельности в Москве в 1930-е годы. Период перед признанием СССР был успешным и благоприятным для массовой продажи произведений российского искусства в США. Продажи, осуществленные Хаммером, действительно способствовали возникновению интереса у американской публики к российской культуре и искусству, о чем, в частности, говорится в разделе книги Вильямса, посвященном собирательской деятельности посла США в СССР Д. Дэвиса и его супруги М. Пост-Дэвис.

Как мы уже знаем из книг других авторов, многие приобретения были сделаны посольской четой в антикварных и комиссионных магазинах. Дж. Дэвис рассказывал в одном из своих писем домой, что в России «комиссионные магазины являются

⁶² Ibid., p. 192.

⁶³ Sutton A. Western Technology and Soviet Economic Development, v. II. Stanford, 1971, p. 29.

весьма интересными заведениями. Они напоминают наши антикварные магазины. Они принадлежат государству и торгуют любыми вещами, которые приносят владельцы, включая те, что были получены государством в ходе “чисток” лиц, занимавших высокие официальные должности, от картин до постельных комплектов, от ювелирных изделий до фарфора»⁶⁴.

В результате приобретательской деятельности Дэвиса и его супруги, замечает Вильямс, специальное помещение в посольстве, снабженное кодовым замком, было заполнено картинами и иконами, дюжинами золотых и серебряных чаш, фарфором и фаянсом, кофейными и чайными сервизами, «неизбежными» изделиями фирмы Фаберже. Все это именовалось «коллекцией произведений искусства». По мнению Вильямса, Дэвис понимал, что они стали доступны для него благодаря советской государственной политике преследования церкви, борьбы с буржуазным наследием, массовых репрессий. Вильямс тоже отмечает ту политическую составляющую поддержки Советского правительства, которой пользовался Дэвис в своей «оргии приобретений». Осенью 1938 г., незадолго до отъезда, в письме Молотову Дэвис благодарил советское руководство за помощь⁶⁵. «Он не только купил всё, что хотел, но для него всё было открыто и предложено по низким ценам», — отмечает Вильямс⁶⁶.

Коллекция русских картин и икон, собранная Дэвисом в СССР, как уже говорилось выше, была направлена им в США, в дар своему университету. По дороге в Висконсин эту коллекцию выставили в Вашингтоне, чтобы, по словам Вильямса, «продемонстрировать американским посетителям успехи в области культуры, достигнутые советским народом за 20 послереволюционных лет». В организации выставки принимал участие поверенный в делах СССР в США К. Уманский, получивший соответствующие инструкции из Москвы.

Посол и его супруга плохо понимали драму советского народа, свидетелями которой оказались. Дэвис сыграл свою роль в серьезной и важной игре по манипулированию общественным мнением в США, предпринятой Советским правительством. «Произведения русского искусства стали разменной монетой, платой за политические дивиденды, полученные от публикации книги Дэвиса “Миссия в Москву”», — заключает историк⁶⁷.

Американские специалисты в области истории дипломатических отношений между США и СССР отмечают, что Советское правительство располагало подробной информацией о приобретательской деятельности американского посла и его супруги. Так, Д. Майерс в книге «Послы и американская политика в отношении СССР»⁶⁸ пишет, что «неистовое приобретение» Дэвиса вызывало недовольство, оскорбляло сотрудников американского посольства, болезненно контрастировало с драмой советской жизни. Такие члены советского руководства, как М.М. Литвинов и А.А. Громыко, посмеивались над экстравагантностью Дэвиса, его любовью к роскоши, чувствительностью к лести⁶⁹. Рассуждая о значении его книги «Миссия в Москву», Майерс подчеркивает, что она стала частью мощной кампании по мобилизации общественного мнения в США в поддержку военных усилий страны в борьбе против Германии.

Вывоз редких и ценных книг из России, начало которому было положено в первые послереволюционные годы, продолжался до конца 1930-х. Ряд американских исследователей уделил внимание этому эпизоду культурных и торговых связей России и США, о масштабах которого свидетельствует, например, тот факт, что с 1924 по 1936 г. антикварный отдел объединения «Международная книга», созданного по

⁶⁴ *Williams R.* Russian Art and American Money, p. 246.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 261.

⁶⁶ *Ibidem.*

⁶⁷ *Ibidem.*

⁶⁸ *Mayers D.* The Ambassadors and America's Soviet Policy. New York, 1995.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 120–121.

распоряжению Советского правительства, издал 78 каталогов книг, журналов и рукописей, предлагавшихся к продаже.

Библиотека Конгресса США за 1927–1934 гг. приобрела 9 тыс. томов только у одного посредника — И. Перлштейна, получавшего товар из СССР, и около 2600 томов из библиотеки Зимнего дворца. В 1931 г. она же получила 1733 тома из личной библиотеки Николая II. Нью-Йоркская Публичная библиотека приобрела более 3 тыс. книг, принадлежавших членам семьи Николая II, а в 1931 г. — более 2200 томов из личной библиотеки великого князя Владимира Александровича. Все издания относились к разряду редких и ценных книг, обладали такими особенностями, как дорогие переплеты, экслибрисы, автографы, уникальные фотографии. Часто это были подносные или подарочные экземпляры. Нью-Йоркская Публичная библиотека пополнила свои фонды бесценными в историко-культурном и научном смысле изданиями Ивана Фёдорова и Швайпольта Фиоля⁷⁰.

Один из руководителей Нью-Йоркской Публичной библиотеки К. Меткалф вспоминает, как к нему пришел Перлштейн и предложил приобрести книги, конфискованные Советским правительством и переданные ему для перепродажи, ибо большевики нуждались в валюте. Меткалф отправился к нему домой, чтобы познакомиться с собранием, и очутился в восьмикомнатной квартире на первом этаже. Только пол первого этажа мог выдержать те огромные шкафы, которые были битком набиты книгами⁷¹. Книги оказались в хорошем состоянии, многие — в красивых кожаных переплетах. Перлштейн признался, что не очень разбирается в книгах. Он продавал их, ориентируясь по размеру. Цены были невысокими. Библиотека приобрела их в значительном количестве.

Вскоре Меткалф стал директором библиотеки Гарвардского университета и продолжил покупать книги у Перлштейна для этой библиотеки.

Аналогичную картину описывает крупный нью-йоркский букинист Х. Краус. Пришел Перлштейн, предложил купить книги, после напряженного торга договорились о ценах⁷². Краус замечает, что Перлштейн не имел необходимого образования и опыта в области книжной торговли, при определении цен не пользовался букинистическими каталогами и другой специальной литературой. Он стремился по возможности быстро перепродать партии книг, которые получал из СССР в больших количествах.

В 1923–1935 гг. американское библиотечное сообщество пользовалось уникальными возможностями для совершенствования своих фондов и в количественном, и качественном отношении. Продажа за рубеж частных библиотек членов российской царской семьи и ряда крупных собирателей, осуществленная Советским правительством, позволила американским библиотекам массово приобретать редкие, ценные книги по заниженной стоимости, что способствовало расширению и повышению значимости библиотечных фондов. Этот книжный поток оседал главным образом в крупнейших библиотеках: Библиотеке Конгресса США, Нью-Йоркской Публичной библиотеке, библиотеке Гарвардского университета и библиотеке Института Гувера при Стэнфордском университете. Достаточно сказать, например, что за 1921–1928 гг. только книжный фонд Славянского отдела Нью-Йоркской Публичной библиотеки увеличился с 26771 тома до более чем 50 тыс. томов, не считая периодических изданий⁷³.

Следует заметить, что правительство США не принимало никакого участия в организации вывоза из СССР культурных ценностей, включая книги, не стимулировало и не координировало деятельность отдельных антикваров и букинистов, и те, не

⁷⁰ Davis R. *Slavic and Baltic Library Resources at The New York Public Library*. New York, 1994, p. 45, 46.

⁷¹ Metcalf K. *Random Recollections of an Anachronism or Seventy-Five Years of Library Work*. New York, 1980, p. 316.

⁷² Kraus H. *A Rare Book Saga*. New York, 1978.

⁷³ Davis R. *Op. cit.*, p. 49.

получая никакой административной поддержки, вынуждены были учитывать существовавшие жесткие таможенные и налоговые законы. Власти же, очевидно, опасаясь распространения коммунистической пропаганды, запретили торговлю русскоязычной литературой, даже букинистической, за пределами Манхэттена, что отрицательно сказалось на коммерческой деятельности книготорговой компании «Четыре континента», агента объединения «Международная книга». Меткалф свидетельствует, что библиотекари, к примеру из Гарвардского университета, вынуждены были совершать регулярные поездки в Нью-Йорк с целью приобретения русскоязычной литературы.

Рассказывая о своей работе в 1930-х годах, связанной с приобретением русскоязычных книг, полученных из СССР, американцы, занятые в этой сфере, в своих мемуарах обращают внимание на то, что речь шла о собраниях, конфискованных правительством у частных лиц, включая членов императорской семьи, но они не придают этому особого значения. Для них это была обычная коммерческая деятельность в области международной книжной торговли.

Современные американские исследователи российско-американских книжных связей Е. Казинец и Р. Дэвис подчеркивают, что «русский народ понес невосполнимые культурные потери в результате деятельности своего собственного правительства»⁷⁴. Хотя поступление книг из советских коллекций оказало большое влияние на формирование ведущих собраний славянских материалов в США, сам процесс доставки, продажи, финансирования, история деятельности основных продавцов и покупателей изучены далеко не достаточно.

Собрания книг на русском языке, созданные в США в 1930-е годы, в течение многих десятилетий оставались практически единственным источником информации по многим направлениям, в том числе по ряду тем, запрещенных в СССР по политическим соображениям, включая сведения о лицах, подвергшихся репрессиям.

Ф. Голдер, видный ученый, архивист и специалист в области книжного дела, заложивший основы славянского книжного и архивного собрания Института Гувера, хорошо понимавший научное и историко-культурное значение совершенных им в Советской России приобретений, сообщал домой: «Я смотрел на книжный рынок, и у меня текли интеллектуальные слюнки. Редкие издания, красивые переплеты, шедевры большой ценности выброшены на рынок. Я решил отставить осторожность и потратил почти две тысячи долларов на покупку. Через сто лет после того, как я умру от разрыва сердца, ученые скажут мне спасибо за эти две тысячи»⁷⁵.

В 1997–1998 гг. в Нью-Йоркской Публичной библиотеке состоялась выставка «Романовы: их империя, их книги», на которой были представлены 124 издания из общей коллекции книг, находившихся ранее в библиотеках Эрмитажа и других петербургских дворцов, насчитывающей более 3 тыс. томов. В предисловии к описанию выставки историк М. Раев отмечает, что научная значимость этих изданий дополняется их несомненной художественной и библиофильской ценностью, в том числе происхождением из частных собраний членов российской царской семьи.

Он подчеркивает, что еще до Второй мировой войны США располагали самым крупным за пределами СССР собранием печатных материалов, относящихся к истории Российской империи и Дома Романовых. Раев объясняет его создание повышением интереса американского образованного сообщества к событиям в Европе, особенно после окончания Первой мировой войны и в связи с революционными потрясениями в ряде стран, в первую очередь в России, когда обеспеченные американцы начали ощущать себя наследниками, продолжателями, хранителями европейских традиций

⁷⁴ Kasinec E., Davis R. *Slavic and Russian Books and Libraries: Occasional Essays and Notes*. New York, 2007, p. 16.

⁷⁵ Dubie A., Frank A. Golder. *An Adventure of A Historian in Quest of Russian History*. New York, 1994, p. 129.

в области культуры и искусства. Приобретение произведений искусства, в частности из России, стало их вкладом в поддержание и укрепление этой традиции⁷⁶.

Российская книга познакомила американцев с высокими достижениями русского книжного искусства. Она вызвала интерес у библиотечных работников, букинистов и частных коллекционеров и положила начало созданию научной базы для развития славяноведческих исследований в стране, особенно русистики. Появление в Нью-Йорке значительного количества ценных русских книг способствовало (наряду с Институтом Гувера в Стэнфорде и Гарвардским университетом) укреплению его роли как одного из ведущих международных центров гуманитарных исследований, ибо Нью-Йоркская Публичная библиотека тесно сотрудничала с Колумбийским университетом, и совпало с превращением Нью-Йорка в крупнейший в мире центр аукционной, букинистической торговли, стимулировало расширение интереса к русской культуре в целом.

Как уже было отмечено выше, рассматривая массовый вывоз культурных ценностей из СССР в 1920–1930-х годах, американские исследователи нередко вспоминают эпоху Великой французской революции, когда в результате разграбления восставшими дворцов французских аристократов на рынок произведений искусства поступило множество культурных ценностей. С течением времени они меняли владельцев, пересекали государственные границы и оказывались на территории США, причем в значительном количестве. Правительство Франции, разумеется, не имело к этому никакого отношения.

В истории массового экспорта из Советского Союза определяющую роль сыграло руководство страны: оно национализировало, т.е. конфисковало, собственность частных владельцев, уничтожив их или вынудив покинуть страну, инициировало и организовывало вывоз части национального культурного достояния. При этом полученные средства поступали на счета государственного банка. Оказавшись на территории США, российские культурные ценности поступили на свободный рынок, они меняли собственников на аукционах, в ходе которых предлагались намного большие цены, чем те, по которым их продавали перекупщики своим клиентам. Их продавали в антикварных и букинистических магазинах и даже, как в случае с Хаммером, в универмагах. Картины из Эрмитажа стали ядром Национальной галереи искусств США, значительная часть ценных и редких книг из России хранится в крупнейших библиотечных собраниях страны.

Массовый экспорт культурных ценностей из СССР привлек внимание и экономистов, использовавших для исследования этой темы инструментарий своей науки. Так, Р. Аллен в книге «От фермы к заводу: переосмысление советской индустриальной революции» замечает, что, хотя продажа картин и других культурных ценностей сыграла некоторую роль в осуществлении индустриализации, остаются обоснованные сомнения в необходимости первого пятилетнего плана и, в частности, коллективизации. По его мнению, продолжение нэпа было бы более эффективным решением для развития советской экономики, чем сталинская индустриализация⁷⁷.

С ним согласна и группа российских экономистов, работающих в западных университетах. «Мы убеждены, — заявляют они, — что сталинская индустриализация не должна рассматриваться как “история успеха”. Наоборот, она является примером того, как грубая реорганизация приводит к низкой продуктивности и низкому

⁷⁶ *Raeff M. The Romanovs and Their Books: Perspectives on Imperial Rule in Russia. — Biblion, v. 6, 1997, November 1, p. 74–75. См. также: Davis R., Kasinec E. A Dark Mirror: Romanov and Imperial Palace Library Materials in the Holdings of The New York Public Library. New York, 1999.*

⁷⁷ *Allen R. Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. Princeton, 2003, а также см. Millar J. Mass Collectivization and the Contribution of Soviet Agriculture to the First Five-Year Plan: A Review Article. — Slavic Review, 1994, v. 33 (4), p. 759–766.*

благополучию»⁷⁸. Можно предположить, пишут они, что такой простой, незамысловатый инструмент внешней торговли, как массовая продажа культурного достояния, предпринятая руководством СССР, не был столь необходимым и не привел к несомненным положительным сдвигам в экономике.

Руководство Советского Союза разделяло грубое, прямолинейное представление об экономических методах, использование которых могло бы способствовать скорейшей ликвидации последствий гражданской войны и привело бы к активной индустриализации страны. Они с легкостью разрешили вывоз части культурного достояния, национализированного у частных владельцев и церкви. В результате разрухи, вызванной глубокими политическими и экономическими потрясениями революционных лет, широкие слои населения оказались перед необходимостью расстаться с ценностями, накопленными предыдущими поколениями, вынести их на рынок. Обмен российских ценностей на американские деньги позволил многим семьям выжить в тяжелые годы.

Некоторое представление о масштабах экспорта культурных ценностей дают далеко не полные подсчеты, сделанные Вильямсом. Он полагает, что только с января по сентябрь 1930 г. из СССР была вывезена 1681 тонна произведений искусства, ювелирных изделий и антиквариата, из них 117 тонн были доставлены непосредственно в США, остальное — транзитом через европейские страны⁷⁹.

«Первая пятилетка была не только пятилеткой индустриализации, но и пятилеткой культурной революции, когда на смену буржуазной, вестернизированной культуре предшествующих веков пришла новая пролетарская технократическая культура, сочетающая преданность партии и недавно приобретенные знания», — подчеркивает Вильямс⁸⁰. Советская внешняя торговля после 1931 г. резко сократилась в результате антидемпинговых мер, принятых правительством США. Великая депрессия и экономический спад, в свою очередь, тоже влияли на рынок произведений искусства. Так, в мае 1933 г. музей Метрополитен в Нью-Йорке приобрел у СССР через фирму Кнедлера диптих Ван Эйка «Распятие» и «Страшный Суд» за 185 тыс. долл. А когда в 1931 г. переговоры начинались, советские продавцы просили за эти шедевры 600 тыс. долл.⁸¹

Существенно и то обстоятельство, считают американские исследователи, что продажа культурных ценностей рассматривалась советским руководством не только как факт внешнеторговой деятельности, но и как средство влияния на высокопоставленных, богатых американцев и становилась фактором советской внешней политики.

В результате создалась ситуация, когда советская сторона продавала российское национальное достояние американским капиталистам, которые не принимали большевистскую революцию, тормозили развитие экономических связей с СССР и которых советская пропаганда продолжала клеймить как очевидных противников. В то же время эти самые капиталисты-коллекционеры помогали финансировать сталинскую индустриализацию. На рынке произведений искусства, в мире коллекционеров идеологические разногласия, как правило, не ограничивают стремления собирателей к приобретению ценных экспонатов. Международный рынок произведений искусства отличается высокой степенью консервативности, приверженностью традициям.

Американские историки подчеркивают, что культурные ценности первого ряда — картины, ювелирные изделия, редкие книги, иконы — хранятся в США в ведущих государственных и частных собраниях, крупных библиотечных хранилищах. Они доступны как для исследователей, так и для широкой публики. Изделия массового потребления, в частности вывезенные Хаммером, распространились по всей стране и способствовали росту интереса к российской массовой культуре.

⁷⁸ *Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A.* Was Stalin Necessary for Russia's Economic Development? — VOX CEPR's Policy Portal. In: voxeu.org/article, 10.X.2013.

⁷⁹ *Williams R.* Russia Imagined. Art, Culture and National Identity. New York, 1997, p. 222.

⁸⁰ *Ibid.*, p. 119.

⁸¹ *Ibid.*, p. 227.

Ввоз российских ценностей в США рассматривается рядом исследователей в контексте единого мирового культурного пространства — как перемещение произведений искусства из одного сектора в другой при условии их сохранения, использования, взаимного обогащения национальных культур. Они не подверглись уничтожению, а остались в культурной сокровищнице человечества. Вместе с тем отмечается, что речь идет об одной из самых драматичных страниц истории российской культуры. В послереволюционные годы Россию покинули миллионы граждан, среди которых было много выдающихся деятелей науки и культуры, оказавших заметное влияние на развитие американской культурной традиции в самых разных областях. Американские историки видят в этом процессе ощутимый вклад в культурное достояние своей страны.

Свое место в этом процессе занимали и культурные ценности, покинувшие СССР, созданные как российскими, так и западноевропейскими мастерами. Впервые за 200 лет они пересекали российскую границу не с запада на восток, а в обратном направлении. Отмечается, что в отборе ценностей для вывоза ощутимо присутствовала идеологическая составляющая: советская власть не нуждалась в культурном наследии предшествующих эпох, особенно связанном с церковью, в книгах из личных библиотек членов российской царской семьи. Но именно эти произведения отличались высоким декоративным, художественным уровнем, обладали несомненными историко-культурными достоинствами. Вместе с тем сам процесс отбора «товара» характеризовался стремлением к сохранению подлинно русских национальных культурных корней. Не могло быть и речи о продаже за рубеж работ, например, Сурикова, Серова, Репина. Одновременно укреплялся политический контроль над культурой.

Подлинная история этих страниц советско-американских отношений, столь насыщенных политическим, экономическим, идеологическим содержанием, обогащенным глубоко эмоциональным, личностным отношением, далеко не изучена. Несомненно, что в российских архивах хранится немало документов, способных обеспечить исследователей достоверной информацией.